

УДК 94(470.5)"192/193"+342.815.1

Килин А.П., кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург (Россия)

СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА СЕРАФИМА КИЛИНА: РЕКОНСТРУКЦИЯ БИОГРАФИИ «ЛИШЕНКИ» 1930-Х ГГ.

Статья посвящена анализу социального положения граждан, лишенных избирательных прав. Объектом исследования является рядовой гражданин СССР – бывшая сельская учительница и жена священника Серафима Александровна Килина (1888 г. р.), предметом – реконструкция ее биографии. Методологическую основу исследования составляет антропологический подход и синтез макро- и микро-истории. Основным источником исследования является личное дело гражданина, возбудившего ходатайство перед избирательной комиссией о восстановлении его в избирательных правах. Личное дело является комплексным и многосоставным источником, в котором содержатся документы, отражающие квазисудебную процедуру рассмотрения заявления просителя, а также необходимые и достаточные для вынесения решения материалы, поступившие по инициативе заявителя или членов избирательной комиссии. Источниковую базу дополняют нормативно-правовые акты, регламентировавшие лишение и восстановление в избирательных правах. Материалы личного дела С. А. Килиной содержат значительные фактические данные, позволяющие реконструировать ее биографию; детально и образно описывают бюрократические процедуры; содержат фрагменты прямой речи участников событий, что делает этот исторический источник весьма ценным. Биография С. А. Килиной включает в себя как типические, так и уникальные факты, которые позволяют расширить наши представления о процедуре лишения избирательных прав и практиках трудоустройства в раннесоветском обществе. Судьба гражданина в переходную эпоху позволяет отразить процесс социального конструирования «нового человека», который, вопреки декларируемым целям, не только провоцировал нисходящую социальную мобильность и негативную социальную селекцию, но мог иметь более трагические последствия.

Ключевые слова: СССР, нэп, раннесоветское общество, «лишенец», лишение избирательных прав, восстановление в избирательных правах, социальное конструирование, социальная селекция, священник, учитель, Килина Серафима Александровна

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-03-83-98

Процесс социального инжиниринга наиболее активно реализуется на исторических этапах, характеризующихся радикализмом преобразований и их концентрацией во времени. Трансформация или демонтаж «старой» и «отжившей свой век» социальной структуры общества приводит к маргинализации абсолютного большинства населения страны. Помимо

реализации принципов «кто был ничем, тот станет всем» и «обострения классовой борьбы» как в условиях гражданской войны, так и в послевоенный период, происходит перемешивание и смешение прежних хозяйственных укладов, формируются новые, если не по сути, то по своей форме. Экономические отношения на микроуровне ориентированы на цели выжи-

вания и адаптации населения в условиях переходного периода. Эти практики основаны отнюдь не на декларируемых новой властью новациях, а в большей степени на традициях, на архаичных (т. е. еще более «старых» чем те от которых призывают отказаться новые власти) формах хозяйствования.

Теоретические конструкции, на которых базируются исследовательские подходы различных исторических направлений, будь то «мобилизационная модель» [4, 15] или «социальное проектирование» [9, 10] способны убедить читателей в верности выбранной концепции, если они основаны на достаточно полной источниковой базе и обширном фактологическом материале. Полагаем, что особую убедительность им придает гармоничное сочетание макро- и микро-исторических подходов, позволяющее воссоздать историческое прошлое во всем его многообразии. Л. П. Репина описывает этот симбиоз следующим образом: «В деятельности индивида синтезируется “субъективная реальность”... и объективная реальность социально-исторической среды, с которой он взаимодействует и которую “моделирует” в соответствии со своими представлениями о ней... Различные аспекты социальной жизни не просто пересекаются, они внутренне связаны таким образом, что ни один из них нельзя постичь в изоляции от других. Стыковка “обеих реальностей”, изучение взаимосвязи поведения, социокультурных представлений и экономических, политических, духовных макропроцессов социальной жизни – это средство научного синтеза» [11, с. 80]. Полагаем, что эта

трактовка адекватно отражает основные методологические принципы нашего исследования.

Возможность оставить свой след в истории у рядового гражданина, несомненно, есть, но она не сопоставима с потенциалом «выдающейся» личности. Зачастую этот след рядовым гражданином был оставлен вынуждено, связан с необходимостью отстаивать свои права (личное дело «лишеница») или являлся результатом его противоправной, по мнению властей, деятельности (судебно-следственное дело).

Механизм внесудебного лишения избирательных прав (1918–1936) позволял отстранить от легальных форм управления на самых разных уровнях власти и в самых разнообразных сферах не только «бывших», но и «неблагонадежных» граждан. Учитывая специфику правовой среды советской России, необходимо констатировать, что ограничение значительной части членов общества в гражданских правах (лишение права голоса на выборах) с формальной точки зрения было законным, но не правовым методом [6, с. 530–537]. Это в полной мере соответствовало тем особенностям, которые сформулировал С. С. Алексеев: советского права – это гибрид права власти и права войны; огосударствленная юридическая система; не носило всеобщего характера, оставляло широкий простор для неправовой деятельности; высшим критерием для оценки действий и событий являлась идеологические догмы и партийные решения; большей юридической силой обладали не законы, а подзаконные нормативные акты; право являлось носителем коммунистической пропаганды [1, с. 298–299].

Дискриминация «лишенцев» на основе подзаконных актов или идеи «революционной законности» приводила, помимо запрета на участие в выборах, к выселению из своих квартир и населенных пунктов; отказу в доступе к централизованному распределению, медицинской и юридической помощи; их детей не принимали в школу; облагали дополнительными налогами; исключали из промысловых артелей, кооперативов, профсоюзов; не принимали на работу в государственные организации, и они в первую очередь подвергались увольнению [7, с. 263].

Повсеместное расширительное толкование положений Инструкции о выборах, в части ограничений в гражданских правах достигло такого размаха, что было издано постановление ВЦИК РСФСР от 10 апреля 1930 г., призванное пресечь массовые нарушения [7].

Воссоздать биографию рядового человека позволяют данные содержащиеся в личном деле гражданина, возбуждившего ходатайство о восстановлении его в избирательных правах, утраченных на основании силу статей Конституции РСФСР (1918 и 1925), а также ряда статей «Инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов» [8].

В нашем исследовании был использован информационный массив личных дел «лишенцев», находящихся на хранении в Государственном архиве Свердловской области в составе фонда Облисполкома. Мы изучали личные дела граждан, которые уже рассматривались на уровне района и округа и чьи заявления были на рассмотрении избирательных комиссий Уральской (1923–

1934) и Свердловской (1933–1936) областей [5]. Путем сплошной выборки выявлялись личные дела граждан определенной профессиональной категории, прежде всего частных предпринимателей, которые являются основным объектом нашего исследовательского интереса. Еще один прием не строгой выборки заключался в том, что были изучены все личные дела однофамильцев (20 дел, среди которых прямых родственников автора выявлено не было) [6, с. 538–539]. Именно этот вариант архивного поиска привел нас к личному делу С. А. Килиной [5].

Личное дело – комплексный и сложносоставной исторический источник, оно предоставляет широкие возможности для исследователей, в том числе позволяет реконструировать социальный портрет различных социальных групп [13, 16], в том числе служителей религиозных культов и находящихся на их иждивении членов семей [12]. Личное дело документально фиксировало квазисудебную процедуру восстановления в избирательных правах, которая предполагала «состязательность сторон». По этой причине дело формировалось как за счет материалов собранных по инициативе заявителя, оно и заводилось на основании поданного им заявления, так и по требованию членов избирательной комиссии – с целью подтвердить или опровергнуть изложенные гражданином факты.

Наиболее ценным является автобиографическая составляющая, которая могла быть представлена в виде отдельного документа или содержаться в составе документов другого рода, прежде всего в заявлении «лишенца».

По определению Ю. П. Зарецкого, это «делопроизводственная биография», которая формируясь под воздействием внешних формальных требований, создается с целью реализации определенных прав гражданина, что и предопределяет её структуру и содержание [17].

Биография С.А. Килиной представляется нам одновременно типичной и уникальной для человека раннесоветского общества, поскольку: насыщена событиями, иллюстрирует факт чрезвычайно высокой профессиональной мобильности, является воплощением ее активной жизненной позиции, позволяет проследить механизм лишения и восстановления в избирательных правах.

На момент написания заявления в 1933–1934 гг. Серафима Александровна Килина проживала в г. Перми, в районе Данилиха, на ул. Подгорная в доме № 146, в квартире 4.

Как абсолютное большинство граждан СССР по своему социальному происхождению она была из семьи крестьян: «Дочь крестьянина. Родилась в 1888 г., в 13 лет осталась без отца». В 1933 г. ее мать (около 1873 г. р.) работала прачкой в Перми в Первой клинической больнице.

С.А. Килина была разведена, у нее было шестеро детей, из которых четверо находились на ее иждивении (1919, 1921, 1924 и 1926 гг. р.) Двое старших детей имели собственный источник дохода и жили отдельно, данные об их поле и возрасте в деле отсутствуют.

Приблизительно в 1903–1905 гг. С. А. Килина обучалась на курсах педагогов при Пермской женской про-

гимназии, после чего шесть лет работала на должности учительницы при Курашимской школе Юговского района Пермского округа (01.09.1905–01.09.1914).

В 1914 г. она вышла замуж за учителя Владимира Кельмовича Килина (ок. 1881 г.р.), который впоследствии (точная дата неизвестна) принял духовный сан.

Отметим, что учительство или «шкрабы» (школьные работники) представляли собой довольно противоречивую социальную группу. С одной стороны «старое» учительство традиционно было связано с духовенством. Учителями зачастую были дети из семей священников. Признавая необходимость ликвидации безграмотности, учителя являлись ценными кадрами для новой власти, но при этом их постоянно упрекали в консерватизме, косности и религиозности. Одновременно молодые учителя проявляли особое рвение и боролись в школах не только с безграмотностью, но и с носителями старой традиции, своими старшими коллегами. В подтверждение этого приведем данные из информационной сводки Нижне-Тагильского Окружного отдела Объединенного государственного политического управления: «Большинство учительства неспособно на сдвиг, т. к. большой процент учителей и учительниц или духовного происхождения, или с духовным образованием и они неспособны к широкой общественной [общественной деятельности – А. К.] даже в условиях буржуазных понятий о демократии и революции» [19, Л. 7].

Когда муж получил назначение в новый приход, С. А. Килина вместе с

ним переехала в село Стряпунята, Нытвенского (Ленинского) района, Пермского округа, Уральской области. В 1929 г. сельским советом как жена священника, находящаяся на его иждивении, она была лишена избирательных прав. Из общего числа рассмотренных Ю. А. Русиной личных дел «лишенцев» 80 % составляли мужчины и 20 % женщины. Причем половина последних – жены и родственницы служителей церкви, находившиеся на их иждивении [12, с. 121].

В своем заявлении С. А. Килина пишет: «Тяготясь своим положением как жены священника, как лишенной избирательных прав, я искала выхода из своего положения. В конце 1929 года мой муж был отправлен на лесозаготовки и я, воспользовавшись случаем взяла развод и уехала в Пермь в начале 1930 г.» [5, Л. 18]. Полагаем, что вопреки оценочному суждению заявителя, развод носил фиктивный характер, если не по форме, то по своей сути, поскольку он был вынужденной мерой и был обусловлен не столько проблемами в семейных отношениях, сколько необходимостью изыскать средства к существованию для себя и своих детей. По этой причине С. А. Килина решила переехать в город, а не вернулась в сельскую школу.

В 1930 г. С. А. Килина переезжает в г. Пермь к матери, которая работает в прачечной Первой клинической больницы. По протекции матери, она устраивается приемщицей белья и работает до 1931 г. (02.03.1930 – 05.05.1931). Трудоустройство не по своей специальности, замещение вакансий, не требовавших особой подготовки или квали-

фикации, было широко распространеной практикой. В этом поступке выразилось стремление к реабилитации, желание иметь годы рабочего стажа в своей биографии. Полагаем, что в данном случае это была вынужденная мера, позволившая на первых порах получить средства к существованию. Как отмечала в своем заявлении С. А. Килина: «Я достала справку из Первой клинической больницы о том, что при поступлении на работу свое социальное положение я не скрывала и была принята администрацией на основании развода с мужем священником и 9 лет стажа [стаж работы учительницей – А. К.]» [5, Л. 3].

Г. Алексопулос отмечает: «Советские институты, такие как профсоюзы, школы и заводы, требовали, чтобы люди демонстрировали свой статус полноправных граждан. Хотя ВЦИК прямо запретил эту практику в 1931 г., государственные учреждения продолжали требовать от людей представления документа (справки), подтверждающего их право голоса и, следовательно, право на трудоустройство, пенсию, страхование и т. д.» [20, р. 131]. Поэтому летом 1930 г. С. А. Килиной было подано заявление с просьбой о восстановлении в избирательных правах в Стряпунятинский сельский совет. Не получив ответа, в декабре 1930 г. она послала запрос в Пермский городской совет и в январе 1931 г. – получила уведомление, что в списке «лишенцев» по городу Перми она не числится. В данном случае мы имеем дело с дефектами бюрократической процедуры, поскольку данные о лишенных избирательного права в одном регионе не всегда оперативно и в

полном объеме передавались в другой регион. Справка из Пермской городской избирательной комиссии позволила С. А. Килиной 9 февраля 1931 г. вступить в профсоюз работников водного транспорта.

В мае 1931 г. как бывшая учительница она поступила в распоряжении Городского отдела народного образования и работала педагогом первой степени. Учитывая непродолжительный период деятельности можно предположить, что она была задействована на курсах по ликвидации безграмотности.

Биография С. А. Килиной подтверждает наши выводы о высокой профессиональной мобильности граждан. Очевидно, что ее принимали на работу для выполнения конкретного задания, на непостоянной основе. Такая постановка проблемы ставит перед исследователем вопрос о механизме выработки жизненной стратегии индивида, предполагает анализ процесса формирования его идентичности (множества идентичностей), особенно в переходные, динамичные и далекие от равновесия исторические периоды. По нашей версии профессиональная идентичность С. А. Килиной была связана со статусом учителя, несмотря на вовлеченность в иные виды деятельности.

В 1931–1932 гг. она работала счетоводом на Молотовском сельскохозяйственном комбинате. Впоследствии, чуть больше года (16.04.02.1932–20.05.1933) занимала должность статистика сектора эксплуатации в Верхне-Камском районном Управлении речным транспортом. В связи с переводом управления в г. Усолье, была уволена по сокращению штатов. В январе 1933 г. ее трудовые

успехи были отмечены «ударным паспортом». По сведениям Ю. А. Русиной, 5 % лишенцев из числа бывших служащих религиозных культов и членов их семей, в своих заявлениях на восстановление в правах упоминали, что они имели «билеты ударников» [12, с. 125].

В 1933 г. для легализации своего пребывания в городе, который был отнесен к режимным, в рамках второго этапа паспортизации [2, с. 127–133] С. А. Килина подала заявление на получение паспорта. Паспортный пункт первоначально отказал в выдаче и запросил справку из Нытвенского района, но после ее жалобы в Паспортную комиссию (21.06.1933), документ ей был выдан сроком на три года без справки с прежнего места жительства. Затем С. А. Килина работала счетоводом на овощесушильном заводе Пермской конторы «Уралплодоовощ» (14.10.1933–20.03.1934) и была сокращена по окончании работ.

Можно констатировать, что ее выбор мест работы является традиционным для бывших священнослужителей и членов их семей. Потребность в грамотных людях, пусть и без профессионального образования была очень велика. По данным Ю. А. Русиной на момент подачи ходатайств о восстановлении они пополнили ряды учителей и совслужащих (делопроизводители, счетоводы, секретари и др.), к этой группе принадлежало 25 % «лишенцев» [12, с. 126–127]. Можно дополнить этот перечень профессий медицинскими работниками, среди которых было немало выходцев из семей служащих религиозных культов.

В мае 1934 г. С. А. Килина трудоустроилась на должность счетовода в бухгалтерию Пермского леспромхоза. Именно этот этап ее биографии наиболее подробно освещен в личном деле, поскольку с этой должности ее уволили (04.11.1934) на том основании, что она «лишенка». Бюрократические перипетии, которые приходилось преодолевать С. А. Килиной являлись довольно стандартной для того времени процедурой. Отличие состояло в том, что она проявила активность и инициативность, использовала наступательную стратегию в отстаивании своих прав [6, с. 279–283].

Достаточно высокий уровень образования С. А. Килиной подтверждают документы личного дела, которые систематизированы и тщательно подобраны. В своем заявлении она детально описывает все факты с указанием точных дат и подтверждает их соответствующими документами (справками и свидетельствами). У нее хороший почерк, а стиль изложения близок к литературному. Материалы личного дела С. А. Килиной подтверждают вывод Г. Алексопулос о том, что «механизм формального восстановления прав благоприятствовал имеющим связи, более грамотным и тем, кто, по словам одного из заявителей, “имел средства съездить в область и даже в ЦИК и устроить шумиху (хлопотать)”» [20, р. 135].

Основанием к увольнению стало письмо от 4 октября 1934 г. за подписью директора Пермского леспромхоза Федосеева и начальника спецсектора Лежнева в Пермский горсовет и Межрайсектор милиции о том, что она «лишенка» и на этом основании с работы

будет уволена, а в Перми к выдаче паспорта подошли формально.

Мотивы, побудившие руководителя спецсектора написать данное заявление, не ясны. Показательно, что первоначально возникает версия о пролетарской бдительности и желании застраховаться от обвинений в пособничестве классово чуждым элементам, а не о материальной выгоде (вымогательство взятки) или злоупотреблении служебным положением с целью устроить на это место «своего человека» или с иными корыстными намерениями. Начальник спецсектора утверждал, что увольнение инициировано не им, а главным бухгалтером, последний, однако, отрицал этот факт.

С. А. Килина излагает эти события так: «5 октября у меня отбирают только что выданные продуктовые карточки и вызывают в спецсектор. Начальник спецсектора т. Лежнев обращается ко мне с вопросом о моем социальном происхождении. Я говорю, что отец крестьянин, а мать рабочая. “А кто твой муж?” “Муж был священником, но я ним развелась почти уже пять лет”. Т[оварищ] Лежнев говорит, что у вас развод фиктивный, и вы имеете с мужем связь. Я говорю, что это неправда. Лежнем мне говорит, что если я не принесу 7 октября оправдательные документы, а именно справку от домкома или соседей жильцов, что я связи с мужем не имею, то я буду уволена. Я на другой же день достала эти справки от соседей жильцов, заверенные хозяином дома и принесла ему показать, а также заявление, которое подавала в паспортную комиссию. Он все прочитали, говорит: “Ну, хорошо, идите, работайте и держите документы

при себе и если вас вызовет директор, покажите ему”. Но директор меня не вызывал. Так я проработала до 17 октября» [5, Л. 19 об]. В этот день вышел приказ об увольнении ее из Пермского леспромхоза с 25 октября 1934 г.

С. А. Килина обратилась к инспектору охраны труда Райкома Добровольскому, который подтвердил подлинность документов и дал ей разрешение на работу. «...На мой вопрос, что мне теперь делать, он сказал, что идите и работайте, меньше говорите, больше делайте. Я так и поступила и продолжала работать» [5, Л. 20 об].

Как пишет далее Килина: «Но видимо моя личность не нравилась т. Лежневу, нашлась третья причина моего увольнения. 2-го ноября в 6 часов вечера уже после занятий меня вызывает парторг т. Седухин и просит показать документы. Я начинаю показывать. Он берет в руки справку Горсовета и спрашивает: “Как вы ее получили?” Я начинаю объяснять, но он не слушает меня. “Вы получили ее незаконно, вы обманули Горсовет, вам не имели права давать такую справку, нужно отдать под суд тех людей, кто вам ее дал и подписал. Вы обманули и Паспортную комиссию, написав тут, что вы восстановлены в правах, вы лишены в Нытвенском районе, значит и восстановлены должны быть в Нытвенском районе”. Я начинаю возражать, говоря, что “Паспортная комиссия считает ее законной, иначе не дали бы мне трехгодичный паспорт”. Тогда Седухин говорит, что “Паспортная комиссия дала вам паспорт незаконно и ее нужно отдать под суд, что есть такие близорукие люди, которые не знают, что делают и что подписывают. Как вы думаете т.

Лежнев?” Лежнев ответил: “Я с Вами вполне согласен, но в это дело вмешался Добровольский, нашел ее документы правильными и разрешил работать”. Тогда Седухин говорит: “Его самого нужно за это дело уволить”. А Лежнев продолжает: “Завтра же мы вас вычеркиваем из членов Союза [профсоюза водников – А. К.], уволим вас и занесем в трудовой список, что вы уволены как лишенка”» [5, Л. 20 об – 22].

Исключение из членов профсоюза могло быть существенным ударом, поскольку при рассмотрении дел «лишенцев», оно наряду с пятилетним трудовым стажем, рассматривалось как основание для восстановления. С. А. Килина обращала внимание на это обстоятельство в своем заявлении [5, Л. 7]. В примечании к п. 38 V главы Инструкции о выборах говорилось, что лица «которые состоят членами профсоюза, могут быть при наличии соответствующих ходатайств восстановлены в избирательных правах указанными органами и без пятилетнего трудового стажа» [8].

Реакция Килиной на сообщение об увольнении, а также угрозы лишить ее членства в профсоюзе и паспорта была эмоциональной: «Я говорю: “Что это с вашей стороны мой смертный приговор? Если я не имею права работать у вас, то не имею права работать нигде, а если не имею права работать, то не имею права и жить”. На эти слова мне Седухин говорит: “Так что же многие бросались в Каму, когда им не давали паспорт”. На это я им ответила: “Нет, товарищи, в Каму я не брошусь, у меня дети, ради которых я живу и все свои средства и свои знания, как бывший пе-

дагог, я прилагаю к тому, чтобы воспитать полезными гражданами, мои дети лучшие ударники школы № 6, активные работники, для них я должна жить и буду добиваться правды. Я никого никогда не обманывала и думаю что Горсовет разберет это дело, дайте мне только срок выяснить в Горсовете мое положение”» [5, Л. 21 об].

Личное дело С. А. Килиной побуждает нас обратить внимание на реальных и потенциальных жертв социального инжиниринга. В своих работах отечественный правовед и криминолог М. Н. Гернет рассматривает проблему суицидов в советской России: «Статистика самоубийств по профессиям в связи с мотивом также в полном согласии с нашими ожиданиями подчеркнула громадную роль мотива материальных лишений у безработных мужчин и женщин; у этой же группы мужчин оказался самым высоким процент самоубийств, вследствие изменения материального положения» [3, с. 226]. Таким образом, мы можем найти подтверждение тому, что тяжелое материальное положение «лишенцев», исключение их из системы централизованного распределения материальных благ (лишение продуктовых карточек и заборных книжек), наряду с отсутствием реальных и легальных альтернатив для самозанятости, могло провоцировать мысли о суициде. В данном контексте слова парторга Седухина носят откровенно провокационный характер.

4 ноября 1934 г., в то время когда ее «заступник» инспектор Охраны труда Добровольский был в командировке, С. А. Килина была уволена из

Пермского леспромхоза. Не теряя времени, буквально на следующий день она пишет заявление в административный отдел Горсовета, настаивает на своем праве быть восстановленной в правах и предоставляет необходимые копии документов. «К настоящему заявлению я прилагаю копии справок с места работы, не заверенные нотариусом, т.к. не имею средств платить за каждую копию по три рубля», – пишет С. А. Килина. Это ремарка весьма примечательна, поскольку свидетельствует о том, что сама процедура реабилитации не только поглощала много времени и сил человека, но и была сопряжена со значительными материальными затратами.

23 ноября 1934 г. – председатель городской избирательной комиссии заверил С. А. Килину, что заявление рассмотрено и по нему будет принято положительное решение, однако, она получила отказ. Мотивировка была следующей: «Отказать, поскольку развод с мужем был оформлен в 1933 г.» Члены комиссии не всегда обладали достаточной квалификацией, а представители трудящихся могли быть малограмотными и за дату развода приняли дату выдачи копии, не прочитав документ до конца. Признавая свою ошибку, председатель избиркома указал, что для отказа есть иная причина, что до пятилетнего трудового стажа недостает ей двух месяцев, а «они отказывают всем, даже если и не хватает одного месяца» [5, Л. 3].

Этот фрагмент, с одной стороны демонстрирует формальный и бюрократический характер процесса принятия решений, с другой, мы «слышим»

прямую речь члена избирательной комиссии. Это уникальный случай, т. к. в абсолютном большинстве дел, которые мы изучали, члены комиссии обезличены, а коммуникация с просителями выстроена дистанционно посредством бюрократических процедур и переписки. Если разговоры между членами комиссии и заявителем происходили, то они не фиксировались, поэтому не находят себе документального подтверждения.

В своем новом заявлении в Горсовет С. А. Килина вновь перечислила все основания для восстановления, указав на то обстоятельство, что имеет девятилетний учительский стаж. Ю. А. Русина отмечает: «Серьезным аргументом в пользу восстановления служила учительская деятельность до и после 1917 года. Проведение государственных мероприятий по ликвидации безграмотности убеждало людей... в поощрении всякого стремления к овладению новыми знаниями. Священники часто указывают на свой вклад в ликвидацию безграмотности» [12, с. 125–126].

Бюрократическая этика не приветствует признания собственных ошибок, поэтому комиссия оставила свое решение в силе, но направила дело С. А. Килиной на рассмотрение в вышестоящий орган. «Дело было отправлено в Свердловск 5 декабря за № 2124, как мне сообщил секретарь, но приехав в Свердловск 10-го декабря и справившись в Облисполкоме комната № 20, моего дела там не нашлось. Задержалось ли оно на почте или совершенно затерялось – неизвестно» [5, Л. 3]. Это обстоятельство заставило ее 25 декабря 1934 г. обратиться с заявлением к уполномоченному советского контроля.

Очевидно, что дело нашлось поскольку решение было вынесено. В выписке из Постановления Президиума Уралоблика № 2107 § 2 от 22.12.1934 г. говорилось: «Слушали ходатайство Килиной Серафимы Александровны, проживающей г. Пермь, ул. Подгорная, №146, кв. 4. Постановили: ходатайство Килиной, лишена как жена священника, на иждивении которого жила с 1914 г. по 1930 г. В 1930 г., в феврале месяце с мужем разошлась, связи с ним не имеет, после развода все время работает в советских организациях. Ходатайство Килиной – удовлетворить» [5, Л. 1].

Ю. А. Русина, которая изучала дела Облисполкома, указывает, что в 64 % случаев просьба о восстановлении в правах была удовлетворена, в 31 % случаев – отказано, в 7 % – окончательно решение не принято или о нем нет данных [12, с. 128]. Необходимо учитывать, что в вышестоящие избирательные комиссии направлялись дела «лишенцев», получившие отказы на нижестоящем уровне. Если и в вышестоящей комиссии был получен отказ, дела могли возвращаться на места, а в случае положительного решения оставались в архиве комиссии принявшей решение. По этой причине, чем выше уровень избирательной комиссии, тем больше дел с положительными решениями находится в ее фондах. Так, например, Г. Алексопулос проанализировала 500 личных дел из 100000, хранящихся в фондах Центральной избирательной комиссии ВЦИК в г. Ялуторовск и охватывающие период 1923–1937 гг. Большинство заявлений составлены в период 1928–1931 гг. и их авторы в основной

своей массе были восстановлены в правах [20, р. 98–99].

Можно констатировать, что судьба нашей героини сложилась удачно, она не была длительное время безработной, находила легальные средства к существованию, не лишилась своих детей и была восстановлена в избирательных правах. Напомним, что в Конституции 1936 г. норма, предусматривающая внесудебное лишение избирательных прав отдельных социальных групп отсутствовала. При этом мы не можем говорить о либерализации государственной политики, поскольку на смену борьбы с нелояльными режиму социальными группами, пришла борьба с «врагами народа». Существует распространенное мнение, что под волну репрессий 1937 г. попали, прежде всего те, кто в прошлом подвергался дискриминации, в том числе и «лишенцы», однако достоверных и обобщенных статистических данных, подтверждающих или опровергающих эту версию, нам обнаружить не удалось.

Комплекс дискриминационных норм и правил, который накладывался на гражданина, позволяют Ш. Фицпатрик говорить о «лишенцах» как об определенной сословно-классовой группе [18, с. 9]. По мнению Г. Алексопулос правовой статус «лишенцев» напоминал «статус евреев и цыган в Третьем Рейхе, которые характеризовались как паразиты, воры и бездельники, были отстранены от должностей гражданской службы и вооруженных

сил, подвергаясь жестокой дискриминации и экономическому разорению, были лишены социальных пособий, доступных только для граждан, и стали жертвами усиления полицейских репрессий» [20, р. 28]. Судьба конкретного гражданина, в том числе и С. А. Килиной, резко контрастирует с этим пропагандистским образом.

Помимо самого «лишенца», дискриминации подвергались члены его семьи, находящиеся на его иждивении, что во много раз увеличивало численность «неполноправных свободных». Существенные ограничения в правах заставляли человека стремиться к восстановлению своего прежнего социального статуса, добиваться реабилитации. Стимулом было не только избавление от морального прессинга, но и элементарные соображения выживания. Если рассматривать эту проблему в более широком контексте, то следует говорить об активном использовании в процессе формирования «нового советского человека» механизмов негативной социальной селекции или «отрицательной селекции» по выражению П. Сорокина [14, с. 188]. Отрицательной с точки зрения прав и свобод личности, возможности ее автономного существования. Дезориентация и маргинализация значительной части населения служили предпосылкой для роста проявлений девиантного поведения, деформировали личность и даже могли привести к ее преждевременной гибели.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Бек, 1995. – 320 с.
2. Байбурин А. К. Советский паспорт: история – структура – практики / Альберт Байбурин. – Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. – 486 с.
3. Гернет М. Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее: 2-й вып. «Моральной статистики» / М. Н. Гернет. – Москва: ЦСУ СССР, 1927. – 270 с.
4. Гончаров Г. А., Баканов С. А., Гришина Н. В., Пасс А. А., Фокин А. А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке: монография. – Челябинск: Энциклопедия, 2013. – 128 с.
5. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Фонд № Р-88. «Уральский областной исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». Оп. 6. Областная избирательная комиссия. Д. 3287. Килина Серафима Александровна.
6. Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты: Научная монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 606 с.
7. О мерах к устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении производства дел, касающихся избирательных прав граждан: Постановление Всероссийского Центрального исполнительного Комитета от 10 апреля 1930. № 233 // СУ РСФСР. 1930. № 18. Отдел первый. Государственное устройство и управление. С. 261–263.
8. Об утверждении инструкции о выборах в советы и на съезды советов РСФСР. Постановление ВЦИК от 20 октября 1930 г. // СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654.
9. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. : монография : в 2 ч. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика / Коллектив авт. ; под общ. ред. Л. Н. Мазур ; М-во науки и высш. образования, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 468 с.
10. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. : монография : в 2 ч. Ч. 2 : Советское общество: культура, сознание, поведение / Коллектив авт. ; под общ. ред. Л. Н. Мазур; М-во науки и высш. образования, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 462 с.
11. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина; [Ин-т всеобщ. истории Российской акад. наук, Центр интеллектуальной истории, Гос. акад. ун-т гуманитарных наук]. – Москва: Кругъ, 2011. – 559 с.
12. Русина Ю. А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–1930е гг. (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Сборник статей участников научной конференции «История репрессий на

Урале». Нижний Тагил, 1997. С. 119–129.

13. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. / Т. М. Смирнова; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – Москва : Мир истории, 2003. – 296 с.

14. Сорокин П. А. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4. С. 181–203

15. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) / Н. Б. Арнаутов, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов и др. ; отв. ред. С. А. Красильников. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : РОССПЭН, 2018. – 591 с.

16. Социальный портрет лишенца (на материалах Урала): Сб. док. / М-во общего и проф. образования РФ, Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького; Сост. Е. В. Байда, В. М. Кириллов, Л. Н. Мазур и др.; Отв. ред. Т. И. Славко. – Екатеринбург: УрГУ, 1996. – 256 с.

17. Субъективность и идентичность: автобиографии советских трудящихся [Электронный ресурс] // Научно-учебная группа междисциплинарных исследований автобиографии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://phil.hse.ru/autobio/seminar14> (дата обращения: 05.05.2021)

18. Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011. – 375 с.

19. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Свердловский областной комитет КПСС. Оп. 2. Д. 74. Государственные информационные сводки Нижне-Тагильского окружного отдела ОГПУ (23.01–28.12.1924)

20. Alexopoulos Golfo. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003. – 243 p.

RURAL TEACHER SERAFIMA KILINA: RECONSTRUCTION OF THE BIOGRAPHY OF "THE DEPRIVED WOMAN" OF THE 1930S.

The article is devoted to the analysis of the social situation of disenfranchised citizens. The object of the study is an ordinary citizen of the USSR: a former rural teacher and the wife of a priest Serafima Aleksandrovna Kilina (born in 1888), the subject of the article is the reconstruction of her biography. The methodological basis of the research is the anthropological approach and the synthesis of macro- and micro-history. The main source of the study is the personal file of a citizen who filed a petition before the election commission to restore their electoral rights. The personal file is a complex and multi-component source, which contains documents reflecting the quasi-judicial procedure for considering the applicant's appeal, as well as necessary and sufficient materials for making a decision, received at the initiative of the applicant or members of the election commission. The source base is supplemented by legal acts regulating the deprivation and restoration of voting rights. Materials of S. A. Kilina's personal file contain significant factual data that allow us to reconstruct her biography; they describe the bureaucratic procedures figuratively and in detail; they contain fragments of direct speech of the participants of the events, which makes this historical source very valuable. S. A. Kilina's biography includes both typical and unique facts that allow us to expand our understanding

of the procedure for disenfranchisement and employment practices in early Soviet society. The fate of the citizen in the transition era allows us to reflect the process of social construction of the "new person", which, contrary to the declared goals, not only provoked downward social mobility and negative social selection, but could have more tragic consequences.

Keywords: USSR, NEP, early Soviet society, "lishenets", disenfranchisement, restoration of electoral rights, social construction, social selection, Kilina Serafima Aleksandrovna, clergy, teacher.

References

1. Alekseev S. S. (1995) *Teoriia prava [Theory of law]* – Moskva : Izdatel'stvo BEK. 320 p.
2. Baiburin A. K. (2017) *Sovetskii pasport : istoriia – struktura – praktiki [Soviet Passport: History – Structure – Practices]* – Sankt-Peterburg : Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge. 486 p.
3. Gernet M. N. (1927) *Prestupnost' i samoubiistva vo vremia voiny i posle nee [Crime and suicide during and after the war] : 2-i vyp. «Moral'noi statistiki»*. Moskva : TsSU SSSR. 270 p.
4. Goncharov G. A., Bakanov S. A., Grishina N. V., Pass A. A., Fokin A. A. (2013) *Mobilizatsionnaia model' razvitiia rossiiskogo obshchestva v XX veke [The mobilization model of the development of Russian society in the twentieth century]: monografiia. – Cheliabinsk : Entsiklopediia. 128 p.*
5. Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [State Archive of the Sverdlovsk Region] (GASO). Fond № R-88 "Ural Regional Executive Committee of Soviets of Workers', Peasants 'and Red Army Deputies". Op. 6. Regional Election Commission. D. 3287. Kilina Serafima Aleksandrovna.
6. Kilin A. P. (2018). *Chastnaia torgovlia i kredit na Urale v gody nepa: ekonomicheskie, politicheskie i sotsial'nye aspekty [Private trade and credit in the Urals during the NEP: economic, political and social aspects]: Nauchnaia monografiia. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 606 p.*
7. O merakh k ustraneniuiu narushenii izbiratel'nogo zakonodatel'stva i ob uporiadochenii proizvodstva del, kasaiushchikhsia izbiratel'nykh prav grazhdan (1930) [On measures to eliminate violations of the electoral legislation and to streamline the proceedings concerning the electoral rights of citizens]: *Postanovlenie Vserossiiskogo Tsentral'nogo ispolnitel'nogo Komiteta № 233 // SU RSFSR. 1930. № 18. Otdel pervyi. Gosudarstvennoe ustroistvo i upravlenie. Pp. 261–263.*
8. Ob utverzhdenii instruktsii o vyborakh v sovery i na s"ezdy sovetov RSFSR (1930) [On the approval of the instructions on elections to the Soviets and congresses of the Soviets of the RSFSR.] *Postanovlenie VTsIK ot 20 oktiabria 1930 g. // SU RSFSR. 1930. № 54. St. 654.*
9. *Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial'nyi proekt, 1917–1930-e gg. (2018). [Early Soviet society as a social project, 1917–1930] : monografiia : v 2 ch. Ch. 1 : Strana Sovetov: prostranstvo, vlast', ekonomika [The Land of the Soviets: space, power, economy] / Kollektiv avt. ; pod obshch. red. L. N. Mazur; M-vo nauki i vyssh. obrazovaniia, Ural. feder. un-t. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 468 p.*
10. *Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial'nyi proekt, 1917–1930-e gg. (2019).*

[Early Soviet society as a social project, 1917–1930]: monografiia: v 2 ch. Ch. 2: Sovetskoe obshchestvo: kul'tura, soznanie, povedenie [Soviet society: culture, consciousness, behavior] / Kollektiv avt.; pod obshch. red. L. N. Mazur; M-vo nauki i vyssh. obrazovaniia, Ural. feder. un-t. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 462 p.

11. Repina L. P. (2011). Istoricheskaia nauka na rubezhe XX–XXI vv. : sotsial'nye teorii i istoriograficheskaia praktika [Historical science at the turn of the XX–XXI centuries: social theories and historiographical practice] [In-t vseobshch. istorii Rossiiskoi akad. nauk, Tsentr intellektual'noi istorii, Gos. akad. un-t gumanitarnykh nauk]. – Moskva : Krug". 559 p.

12. Rusina Iu. A. (1997) Kharakteristika lishennykh izbiratel'ny prav za sviaz' s religioznym kul'tom na Urale v 1920–1930e gg. (po materialam lichnykh del) [Characteristics of disenfranchised persons for their association with a religious cult in the Urals in the 1920s-1930s (based on personal files)] // Istoriiia repressii na Urale: ideologiiia, politika, praktika (1917–1980-e gg.). [The History of Repression in the Urals: Ideology, Politics, and Practice (1917–1980).] Sbornik statei uchastnikov nauchnoi konferentsii «Istoriiia repressii na Urale». Nizhnii Tagil, Pp. 119–129.

13. Smirnova T. M. (2003). «Byvshie liudi» Sovetskoi Rossii : Strategii vyzhivaniia i puti integratsii, 1917–1936 gg. ["Former People" of Soviet Russia : Survival Strategies and Ways of Integration, 1917–1936] Ros. akad. nauk, In-t ros. istorii. – Moskva: Mir istorii. 296 p.

14. Sorokin P. A. (1992). Sovremennoe sostoianie Rossii [The current state of Russia] // Novyi mir. 1992. № 4. Pp. 181–203

15. Sotsial'naia mobilizatsiia v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.) (2018) [Social Mobilization in Stalinist Society (late 1920s – 1930s)] (2018) / N. B. Arnautov, S. A. Krasil'nikov, I. S. Kuznetsov i dr. ; otv. red. S. A. Krasil'nikov. – 2-e izd., ispr. i dop. – Moskva : ROSSPEN. 591 p.

16. Sotsial'nyi portret lishentsa (na materialakh Urala) (1996) [Social portrait of a lishenets (based on the materials of the Urals)]: Sb. dok. / M-vo obshchego i prof. obrazovaniia RF, Ural. gos. un-t im. A.M. Gor'kogo; Sost. E. V. Baida, V. M. Kirillov, L. N. Mazur i dr.; Otv. red. T. I. Slavko. – Ekaterinburg: UrGU. 256 p.

17. Sub"ektivnost' i identichnost': avtobiografii sovetskikh trudiashchikhsia [Subjectivity and Identity: Autobiographies of Soviet Workers] // Nauchno-uchebnaia gruppа mezhdistsiplinarnykh issledovaniı avtobiografii. Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaiia shkola ekonomiki». Retrieved from <https://phil.hse.ru/auto-bio/seminar14>

18. Fitspatrik Sh. (2011). Sryvaite maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka [Tear off your masks! Identity and imposture in Russia of the XX century] – Moskva : Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN) : Fond Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina. 375 p.

19. Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti [Documentation Center of Public Organizations of the Sverdlovsk region] (TsDOOSO). F. 4. Sverdlovsk Regional Committee of the CPSU. Op. 2. D. 74. State information reports of the Nizhny Tagil District Department of the OGPU (23.01–

28.12.1924)

20. Alexopoulos Golfo (2003) *Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 243 p.

Об авторе

Килин Алексей Павлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет (Россия), E-mail: alexey.kilin@urfu.ru

Kilin, Alexey Pavlovich – PhD (History), Associate Professor, Chair of document science, archival science and history of public administration, Ural Federal University (Russia), E-mail: alexey.kilin@urfu.ru